

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

*Ч*арльз Буковски не стремился до неузнаваемости зашифровать всех действующих лиц своего документального романа. В некоторых фамилиях он изменил всего лишь одну букву, чтобы непроявленный персонаж все же был опознан. Так, легко угадываем режиссер и продюсер Френсис Форд Лопалла, особенно если вспомнить, что в титрах «Пьяни» упоминается компания «Зоетрон», любимое детище Ф. Ф. Копполы. Столь же узнаваем «известный немецкий режиссер» Вернер Зергог и француз с густыми бровями, заводящий беседу о субтитрах к своему фильму, Джон-Люк Модар. (Можно оценить анаграммность в кодировке интеллектуально-изоцифренного Вернера Херцога и перевод французского имени Жан в американское Джон – намек на слабость Ж.-Л. Годара к американскому кино.)

Под именем же самого любимого автором персонажа Джона Пинчота скрывается Барбет Шредер. Это его документальный фильм об угандийском диктаторе Иди Амине Дада описывает Генри Чинаски. И наконец, главному герою книги Буковски подарил имя, которым называли его друзья, – Хэнк, а дра-

жайшая Сара – это, конечно, его жена Линда, бывшая актриса, державшая потом ресторанчик и делившая с мужем склонность к калифорнийскому красненькому. Под именем Франсуа Расина угадывается Гарри Дин Стэнтон, ставший в романе французом, потому что снялся у Рима Вендерса в фильме «Париж, Техас».

Через пару дней позвонил Пинчот и сказал, что ему нужен сценарий. Не заедем ли мы повидаться?

Он объяснил, как его найти — жил он в незнакомом месте, в какой-то Марина-дель-Рей, — и мы сели в наш «фолькс».

Спустившись к гавани, мы поехали вдоль дебаркадера. По палубам шныряли рыбаки, которых можно было узнать по их робам. Впрочем, большинство из них не обременяли себя трудами ради хлеба насущного. Ибо таковы они были — избранники Божьи на земле вольных людей. А на мой взгляд, лихие раздолбаи. Но им на мое мнение, конечно, наплевать.

Мы свернули направо, миновали док и поехали по улицам, обозначенным фантастическими названиями в алфавитном порядке. Нашли нужную нам, свернули налево и въехали во двор, расположившийся прямо на берегу. Отсюда открывался вид на океан, которым можно было любоваться в уверенности, что тебя не накроет волна. Прибрежный песок казался тут невиданно чистым, вода — голубей голубого, а бриз — ласкающим.

— А знаешь, — сказал я Саре, — ведь мы с тобой угодили прямо в рай. Но что-то меня с души воротит.

– Поменьше обращай внимания на свою душу.

Наш «фолькс» не нуждается в том, чтобы его за-
пирали. Никто в мире, кроме меня, не способен его
завести.

Я постучал в дверь.

Дверь отворили изящным жестом, и в нос сразу
шибануло артистизмом, пропитавшим каждую чер-
точку человека, который стоял на пороге. Сразу бы-
ло видно, что этот парень рожден, чтобы Творить
(с большой буквы), Творить великое, и в его мире нет
места мелочам жизни вроде зубной боли, неуверен-
ности в себе и какой-нибудь вшивой удачи. Словом,
он выглядел как самый настоящий гений. А я похож
на подавальщика из занюханной пивнушки и потому
от таких типов всегда завожусь.

– Мы из прачечной, за грязным бельем, – сказал я.

– Не обращайтесь на него внимания, – вмешалась
Сара. – Нас пригласил Пинчот.

– А-а, – протянул хозяин. – Прошу.

Мы было последовали за ним, но он вдруг остано-
вился, обернувшись к нам, демонстрируя свой луч-
ший ракурс, и гаркнул так, словно его должен был
услышать весь свет:

– Мне пора выпить ВОДКИ! – и шмыгнул в кухню.

– Джон вчера о нем говорил, – сказала Сара. – Его
зовут Поль Ренуар. Он пишет оперы и музыку к филь-
мам-операм. Ужасно авангардистскую.

– Мне не легче, если моя барабанная перепонка
пострадает от глотки гения.

– Какие нежности при нашей бедности! Не все та-
кие деликатные, как ты.

– Вот именно. Но это их проблемы.

— Ты боишься жизни — у тебя это на лбу написано.

— Жаль, я сам до этого не допер.

Появился Поль с выпивкой. Выглядело это шикарно: в стакане светился ломтик лайма, и Поль теребил его стеклянной палочкой для коктейлей. Классно.

— Поль, — поинтересовался я, — а нет ли в доме еще чего-нибудь выпить?

— А, извините, — сказал он. — Угощайтесь, пожалуйста.

Сара сориентировалась первой. Я вошел в кухню следом за ней. Кухня была сплошь заставлена бутылками. Пока Сара присматривалась, я открыл банку пива.

— Начать лучше с чего-нибудь полегче, — предложила моя добрая женушка. — Знаешь ведь, как бывает, когда ты чересчур наберешься.

— Умница. Давай дернем винца.

Я нашел штопор и выбрал бутылку красного.

Мы прилично угостились, потом снова налили по стаканчику и вышли к хозяину. У нас была семейная шутка: мы с Сарой разыгрывали из себя Зельду и Скотта¹, но потом бросили, потому что Саре не нравилось, как Зельда кончила, а мне — как Скотт писал. В общем, этот юмор не пошел.

Поль Ренуар стоял у зеркального окна и высматривал что-то в Тихом океане.

— Джон задерживается, — объявил он, обращаясь к оконному стеклу и океанской волне, — но он велел передать, что непременно будет и чтобы вы его дождались.

— Отлично, крошка.

¹ Буковски имеет в виду Ф. Скотта Фицджеральда и его жену. (Прим. переводчика.)

Мы с Сарой сели, держа в руках стаканы. Смотрели на его кроличьи щеки. Он смотрел на океан. И, кажется, что-то мурлыкал.

— Чинаски, — начал он. — Я прочел многое из того, что вы написали. Все это дерьмо собачье. Вам хорошо удается...

— Благодарю. Мы-то знаем, кто хорош без всяких оговорок. Это вы.

— А-а, — протянул он, не отрывая глаз от океана. — Очень мило с вашей стороны отдать должное...

Дверь без стука распахнулась, вошла молодая девушка с длинными черными волосами и тут же, как кошка, растянулась на тахте.

— Меня зовут Поппши, — сказала она. — Через четыре «п».

— А мы Скотт и Зельда.

Меня шарахнуло в ностальгию.

— Уймись, — буркнула Сара.

Я назвал наши настоящие имена.

Поль оторвал взор от океана.

— Поппши — одна из тех, кто раскручивает ваш сценарий.

— Я еще ни слова не написал, — сказал я.

— Так напишите.

— Вы хотите сказать «не напишете ли»?!

Я взглянул на Сару и поиграл своим пустым стаканом. Сара, умница, взяла его и удалилась на кухню. Она понимала, что, если бы пустила туда меня, я не ушел бы, не продегустировав все имеющиеся там напитки, и тогда уж точно пошел бы вразнос.

Вскоре выяснилось, что Поппши именовалась еще «принцессой из Бразилии». Как новичку она от-

стеживала мне десять тысяч. Негусто. Но эти деньги покрыли бы часть арендной платы за дом, и еще кое-что осталось бы на выпивку.

Принцесса, по-кошачьи изогнувшись на тахте, послала мне взгляд.

— Я вас читала. Вы забавный.

— Спасибо.

Я посмотрел на Поля:

— Слышь, сынок, я забавный!

— Вы достигли определенного уровня... — ответил он и шмыгнул на кухню, откуда как раз вышла Сара с нашими стаканами. Она села рядом со мной и ткнула меня в бок.

И тут меня осенило: можно сделать вид, будто я засел за сценарий, и навешивать в Марина-дель-Рей посасывать халявное виски. Но не успел я как следует отвязаться от этой сладостной грезы, как снова распахнулась дверь, и на этот раз вошел Джон Пинчот:

— А, вы тут!

— Ага, — сказал я.

— Ну, вроде все на мази. Тебе остается только написать сценарий.

— Но на это уйдут месяцы.

— Это конечно.

Тут вернулся из кухни Поль с какой-то подозрительной смесью для принцессы. Пинчот пошел за своей порцией.

Так началась первая из наших многочисленных встреч, которая, как и последующие, вылилась в пьянку по-черному. Мне это было необходимо, чтобы поверить в свои силы, потому что вообще-то я пишу стихи да рассказы. Писать сценарии всегда казалось

мне дурацким занятием. Но в эту идиотскую ловушку попадались люди и поумней меня.

Джон Пинчот со стаканчиком в руке подсел ко мне.

Это был бесконечный вечер. Все говорили и говорили, не знаю даже о чем. Мы с Сарой так набрались, что ни один из нас не мог сесть за руль. Нам любезно предложили остаться на ночь.

В спальне, не зажигая света, Сара разлила по стаканам остатки красненького и спросила:

– Ты в самом деле собираешься писать сценарий?

– Черта с два, – ответил я.

Дня через три-четыре Джон Пинчот позвонил снова. Он был знаком с Денни Сервером, молодым режиссером и продюсером, у которого имелась своя студия в Венеции. Денни разрешил нам посмотреть у себя в проекционной документашку Пинчота «Зверь смеющийся» – об одном черном диктаторе, который залил свою страну кровью. Мы договорились, что встретимся у Пинчота, выпьем для разгону и отправимся на студию.

Джон открыл дверь, мы с Сарой вошли. Джон был не один. В комнате оказался какой-то парень. У него были необычные волосы – белокурые с сединой. А лицо розовое, даже красноватое. Глаза круглые и голубые, совсем круглые и очень голубые. У него был вид школьника, который собирается отколоть какой-то дьявольский номер. Как я потом убедился, у него всегда был такой вид. Чистый джокер.

– Франсуа Расин, – представил его Джон. – Он снимался у меня и у других режиссеров.

– Причем другие мне платили, – с поклоном отозвался Франсуа.

Джон пошел за выпивкой.

— Извините, — сказал Франсуа, — я сейчас освобожусь.

На столе рядом с ним красовалась электрическая рулетка, колесо которой приводилось в движение нажатием кнопки. Рядом лежали стопки фишек и длинный лист бумаги, заполненный цифрами. Еще была доска для записи ставок. Франсуа сделал ставку, нажал кнопку и сказал:

— Вот моя леди Вертушка, в которую я влюблен.

Вошел Джон с выпивкой.

— Если Франсуа не играет, он либо тренируется, либо думает об игре.

Колесо остановилось, Франсуа сгреб выигрыш.

— Я изучил закономерности вращения колеса, — сказал он, — и куда бы ни упал выигрыш, я всегда угадываю.

— Система замечательная, — вставил Джон. — Жаль, что она не срабатывает в казино.

— Меня переигрывает Смертельное Желание, — объяснил Франсуа.

— Хэнк играет на тотализаторе, — сказала Сара. — Ставит на лошадей. Приезжает на все скачки.

Франсуа взглянул на меня с интересом:

— На лошадей, значит! И выигрываете?

— Хочется думать...

— Надо как-нибудь и нам попробовать.

— Обязательно.

Франсуа опять занялся рулеткой, а мы сели рядышком со стаканами в руках.

— Он выигрывает и просаживает сотни тысяч, — сказал Джон. — И вспоминает о том, что он актер, только когда проигрывается в пух.

— Резонно, — заметил я.

— Кстати, — продолжил Джон, — я разговаривал с продюсером Гарольдом Фезантом, и он очень заинтересовался твоим сценарием. Готов войти в дело.

— Гарольд Фезант! — воскликнула Сара. — Я о нем слышала. Он ведь один из тузов в этом бизнесе.

— Правильно, — подтвердил Джон.

— Но ведь никакого сценария еще нет, — напомнил я.

— Чепуха. Он тебя знает. И готов с нами работать.

— Что-то не верится.

— У него нюх, он зря денежки не вложит.

Джон опять отправился за новой бутылкой.

— Может, тебе все-таки написать этот сценарий? — шепнула Сара.

— Ты что, забыла, до чего это довело Скотта Фицджеральда?

— Ты же не Фицджеральд.

— Слава богу, нет. Но тебе известно, что он из-за этих сценариев бросил пить? И это его доконало.

Франсуа по-прежнему торчал у рулетки. Вошел Джон с очередной бутылкой:

— Разопьем еще одну, и вперед.

— Лады, — сказал я.

— Эй, Франсуа, ты с нами? — спросил Джон.

— Ах нет, простите, бога ради, мне тут кое в чем надо разобраться...

Проекционная была очень славненькая. Перед входом разместился бар с длинной стойкой, за которой стоял бармен. Механик уже сидел в будке. Денни Сервер отсутствовал.

К стойке приклеились человек семь-восемь. Черт знает кто такие. Я взял водки, а Сара пила что-то то

ли малиновое, то ли серое, то ли серо-буро-малиновое. Джон помогал механику заправлять фильм. Я заметил, что один парень на табурете с краю нахально на меня пялится. Причем упорно.

— А вы кто такой? — спросил я.

Он помолчал, отхлебнул своего пойла и ответил:

— Я прямо сгораю со стыда, произнося это слово, но... я, видите ли, режиссер.

Так я познакомился со знаменитым немецким режиссером Вейнером Зергогом. Он был слегка шизанутый, как говорится, сдвинутый по фазе и обожал вытворять черт-те что со своей жизнью, да и с чужими тоже.

— Могли бы найти занятие получше, — сказал я.

Тут появился Джон:

— Пошли, начинаем.

Мы с Сарой вошли в проекционную. Кое-кто из бара потянулся за нами, в том числе Вейнер и его подружка. Мы уселись, и Джон сказал:

— Там в баре сидел Вейнер Зергог. На прошлой неделе они с женой устроили перестрелку, целили друг в друга, пока пушки не разрядили, но не попали.

— Надеюсь, в кино он удачливее.

— О да.

Свет погас, и экран заполнил «Зверь смеющийся».

Лидо Мамин был масштабным человеком и в физическом плане, и в плане амбиций, а его страна — маленькой и бедной. Зато с большими странами он играл на обе руки, продавая и перепродавая любой товар — от валюты до оружия. В глубине души ему хотелось ни много ни мало как править миром. Этот чертов ублюдок обладал потрясающим чувством юмо-